

Джейн СМАЙЛИ

Джейн СМАЙЛИ

ТЫСЯЧА
АКРОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С50

Серия «Свет в океане»

Jane Smiley
A THOUSAND ACRES

Перевод *К. Карповой*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения
The Friedrich Agency и The Van Lear Agency LLC.

Смайли, Джейн.

С50 Тысяча акров : [роман] / Джейн Смайли ; [пер. с англ. К. Карповой]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 416 с. — (Свет в океане).

ISBN 978-5-17-109494-2

Роман, удостоенный Пулитцеровской премии за 1992 год и положенный в основу сценария одноименного фильма с Мишель Пфайффер и Джессикой Лэнг в главных ролях. Роман, который критики называли выдающимся, завораживающим, пугающим, правдивым и прекрасным.

Это история семейства Ларри Кука, хозяина огромной фермы площадью в тысячу акров, ставшей яблоком раздора для трех его дочерей: Джинни, Роуз и Кэролайн. Это драма, балансирующая между злостью и отчаянием, обидой и прощением, любовью и ненавистью.

Сколько скелетов хранится за семью замками в фамильных шкафах богатой фермерской семьи Кук? Сколько конфликтов, тлеющих годами и десятилетиями, только и ждут случая вспыхнуть полноценным пожаром? Сколько печальных и постыдных тайн могут однажды выйти на свет? И что случится, когда вырвется наконец на волю давно скрываемое безумие жестокого и властного отца трех взрослых дочерей?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Jane Smiley, 1991
Школа перевода В. Баканова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-109494-2

Посвящается Стиву

Своим рельефом тело повторяет ландшафт. Они отражаются друг в друге и творят друг друга. На нас отпечаток сезонных обновлений земли, тяжелейших людских кочевий, резкого слома эпох, принесшего вместе с новым веком перемены, каких не знала эта цветущая планета.

*Меридел Лесюэр.
Коренные и пришлые**

* Перевод С. Котова.

Книга первая

1

Если бы вы ехали на север по шоссе номер 686 со скоростью шестьдесят миль в час, то проскочили бы нашу ферму за одну минуту. И сразу попали бы на Кэбот-стрит, такую же неширокую асфальтированную дорогу, которая пятью милями западнее проходила через городок Кэбот, отчего и получила свое название. На западной окраине городка дорога переходила в шоссе, петляющее на протяжении трех миль вдоль изгибов реки Зебулон. Потом река поворачивала на юг, а шоссе уходило на запад в Пайк. Перед тем как влиться в Кэбот-стрит, шоссе номер 686 взбиралось на небольшой холм, еле заметный, но раздражающий — как выпуклость в центре дешевой тарелки.

Если не считать этого холма, местность в округе идеально ровная — под таким же идеально круглым куполом неба. Помню, в школе мне казалось (вопреки всем рассказам учителей об открытии Колумба), что древние не ошибались: ни глобус, ни карта не могли убедить меня в том, что Зебулон не является центром плоского мира. На этих бескрайних равнинах любое округлое тело (будь то зерно, резиновый мячик или шарик подшипника) обречено прекратить движение и пустить мощный корень в плодородную почву.

Из-за того, что место пересечения двух дорог находилось на возвышенности, с него открывался прекрас-

ный вид на наш дом, расположенный в миле от холма, на южной стороне фермы. На востоке, также на расстоянии мили, высились три силосные башни, которые отмечали северо-восточную границу наших земель. Окинув взглядом пространство от силосных башен до дома с сараем, вы бы смогли оценить масштабы владений моего отца: шестьсот сорок акров одним наделом, в собственности без обременения, рыхлый чернозем. Участок идеально ровный и плодородный, открытый всем стихиям, как и любой другой кусок земли под солнцем.

На западной стороне, вопреки ожиданиям, не открывалось никаких живописных видов: река Зебулон несла свои воды вдаль от раскинувшихся выше сельскохозяйственных угодий. Не было видно и крыш Кэбота, только ночью отдаленное свечение выдавало близость города. Все пространство на запад от дороги занимали бескрайние поля, среди которых расположились две фермы. Та, что поближе, принадлежала Эриксонам; у них были две дочери, наши с Роуз ровесницы. В той, что подальше, жили Кларки, чьи сыновья Лорен и Джесс перешли в среднюю школу, когда мы ее уже оканчивали. Гарольд Кларк считался лучшим другом моего отца. У него было пятьсот акров без обременения. А у Эриксонов всего триста семьдесят акров, и те заложенные.

Количество акров и наличие кредитов в нашей местности — столь же неотъемлемая характеристика человека, как его имя и пол. Гарольд Кларк и отец часто спорили у нас на кухне, кому отойдет земля Эриксонов, когда с них взыщут залог. Я постоянно слышала эти разговоры и всегда помнила о них: и когда играла с Рутти Эриксон, и когда с мамой и Роуз отправлялась помогать соседям делать заготовки на зиму, и когда миссис Эриксон угощала нас сладкими пирогами и пончиками, и когда отец одалживал мистеру Эриксону инструмен-

ты, и когда мы приходили к Эриксонам на воскресный обед. Умом я понимала справедливость притязаний Гарольда Кларка на землю соседа, поскольку та находилась на его стороне дороги, но при этом я ни секунды не сомневалась в том, что земля должна отойти нам. Во-первых, потому, что в спальне Дины Эриксон стоял уютный диванчик в эркере, и я ужасно ей завидовала. А во-вторых, потому, что было бы здорово, если бы вся земля вокруг пересечения шоссе номер 686 и Кэбот-стрит принадлежала нам. Тысяча акров. Круглое число.

В 1951 году, когда мне было восемь, я смотрела на мир и на будущее именно так. В тот год отец купил свою первую легковую машину — седан «бьюик» с серыми бархатистыми креслами, настолько округлыми и гладкими, что с них можно было запросто соскользнуть на крутом повороте или на ухабе. В том же году родилась моя самая младшая сестра Кэролайн, что, в общем-то, и стало поводом для покупки машины. Дети Эриксонов и Кларков продолжали трястись в кузовах фермерских грузовиков, а потомки Куков были достойны большего: надежно защищенные от ветра и пыли, мы болтали ногами, пиная мягкие сиденья, и глазели на проносящиеся мимо поля через задние стекла. И всем было ясно, у кого здесь шестьсот акров, а у кого — только пятьсот или вообще триста.

В тот год мы исколесили все окрестности. Бензин обходился недешево, но отца это отчего-то не останавливало; правда, после рождения Кэролайн он уже столько не ездил. Для меня же новые впечатления были таким же сокровищем, как скопленные тайком монетки. Семейные поездки приносили ни с чем не сравнимое удовольствие: на роскошном бархатистом сиденье в душном салоне рядом со мной тряслась обожаемая Роуз, под колесами шуршал гравий, машина мчалась по дороге, подлетая на выбоинах, за окнами проносились чужие фермы, за минуту вырастая и снова сжи-

маясь в точку. Непривычная праздность. Удивительное развлечение. И самое главное — благодушные рассуждения родителей обо всем, что попадалось на глаза: отец оценивал ход сельскохозяйственных работ на полях и содержание скота на пастбищах, мама — размеры домов и состояние садов. Родители вели разговор неторопливо и расслабленно, довольные тем, что у нас все сезонные работы давно выполнены, а постройки гораздо добротнее и ухоженнее. Похоже, для мамы и папы, как и для нас с Роуз, все было в новинку. Подозреваю, что тогда они впервые выбрались за пределы фермы и знали о мире не больше нашего, но их голоса звучали так уверенно, что, слушая их дуэт, я и не думала сомневаться в верности пути. Наша ферма казалась оплотом спокойной и правильной жизни.

2

Джесс Кларк пропадал неизвестно где. Тринадцать лет назад он ушел в армию, и с тех пор — ни слуху, ни духу. Когда прислали повестку, отец отвез его на автобусную станцию в окружной центр, и не прошло и пары месяцев, как про Джесса отчего-то перестали упоминать в разговорах, стараясь обходить любые связанные с ним темы.

Так продолжалось до весны 1979 года, пока я, случайно столкнувшись в Пайке с Лореном Кларком, не узнала, что его отец Гарольд собирается зажарить свинью на вертеле в честь возвращения сына и зовет всех соседей. Приносить еду с собой не обязательно.

Лорен уже хотел отвернуться и идти дальше, но я удержала его и заглянула в глаза.

- Где же он пропадал?
- Сам расскажет.
- От него ведь не было никаких вестей?

— Не было до последней субботы.

— Вот так вдруг?

— Вот так.

Лорен посмотрел на меня, лениво улыбнулся и добавил:

— Заявился аккурат после окончания сева. Не стал радовать нас своим воскрешением, пока мы лили пот на полях.

А пота в тот год и правда пролилось немало: весна выдалась холодной и дождливой, погода наладилась только к середине мая, и на посадку кукурузы осталось меньше двух недель.

Лорен опять улыбнулся. Я знала, что он рисуется передо мной: он был горд и чувствовал себя героем, как и все мужчины в округе после успешной посевной.

— Он уже знает о маме?

— Отец ему сказал.

— Обзавелся семьей?

— Нет. Ни жены, ни детей. Ни планов вернуться туда, откуда приехал. Поживем — увидим.

Лорен, крупный добродушный парень, ко всему относился легко и с юмором; беседовать с ним всегда было приятно, как прохладной воды в жаркий день глотнуть. И теперь о возвращении блудного брата он говорил с улыбкой.

Гарольд Кларк готовил грандиозный праздник: он уже заколол свинью и собирался жарить ее целиком на вертеле, щедро сдабривая лимонным соком и паприкой. Конечно, повод был весомым, и все же я удивилась, что старый фермер готов потерять целый день в разгар сева бобов.

— Надо работать, пока погода стоит. — Лорен пожал плечами. — Но ты же знаешь Гарольда, он любит все делать по-своему.

Возвращаясь домой по шоссе, я впервые обратила внимание на то, как же вокруг хорошо: ивы и сере-

бристые клены покрылись свежей листвой, берега реки заросли сочным камышом и нежными фиолетовыми ирисами. Я остановила машину и вышла, чтобы пройти.

Этой зимой, в день святого Валентина, у моей сестры Роуз обнаружили рак груди — а ведь ей всего тридцать четыре. Операция и химиотерапия лишили ее сил и вогнали в депрессию. Весь март и апрель лили дожди. Мне приходилось готовить на три семьи: отцу, который отказался переезжать к нам и остался жить один в большом доме, Роуз и ее мужу Питу, которые заняли дом через дорогу от отцовского, себе и своему мужу Тайлеру. Мы поселились в доме Эриксонов. На ужин и на обед все обычно собирались у нас, а завтрак мне приходилось подавать в каждом доме отдельно. Я вставала к плите в пять, а отходила не раньше половины девятого.

Мужчины беспрестанно жаловались на погоду и переживали, что останутся без топлива для тракторов. Джимми Картер* обещал, Джимми Картер точно должен... И так всю весну.

Мало того, еще осенью Роуз неожиданно решила отправить своих дочерей Пэмми и Линду в городскую школу-интернат: старшую — в седьмой класс, младшую — в шестой. Девочки сопротивлялись изо всех сил, просили отца и меня отговорить Роуз, но та была непреклонна. Она пришила именные бирки к их одежде, упаковала сумки и отвезла в квакерскую школу в Вест-Бранч. Решимость Роуз не поколебали даже протесты отца: она переждала их, как пережидают бурю.

Отъезд девочек стал для меня тяжелым ударом: я относилась к ним как к родным. Когда Роуз поставили диагноз, я первым делом предложила ей:

* Джимми Картер — 39-й президент США (1977—1981).
(Здесь и далее примеч. перев.)

— Разреши Пэмми и Линде вернуться. Пусть этот год они доучатся здесь, а потом отправишь их обратно.

— Ни за что, — отрезала сестра.

Линда только родилась, когда у меня случился первый выкидыш. После этого как минимум на полгода один вид девочек, которых я раньше искренне любила и с удовольствием пестовала, стал для меня невыносимым. Дикая боль пронзала все мое тело, будто по венам текла не кровь, а кислота. Зависть, жгучая зависть испепеляла меня, лишая дара речи. Я злилась на Роуз, ведь ей так легко досталось то, о чем я могла лишь мечтать. Я пыталась забеременеть три года и выносить не смогла, а она залетела через шесть месяцев после свадьбы и родила уже двоих.

Конечно, ее вины в моих бедах нет, и я справилась с завистью, мысленно твердя снова и снова, как литанию, что Роуз — главный человек в моей жизни. Сколько я себя помню, она всегда была рядом: до рождения Кэролайн и после ухода мамы, до мужей, беременностей и детей. До и после. Отдельно от друзей и от соседей.

В округе Зебулон есть немало семей, раздираемых наследственными распрями из-за земли и денег: люди жили бок о бок, годами не разговаривая друг с другом, потому что вражда выжгла все добрые чувства и взаимные привязанности. Меньше всего на свете я хотела последовать их примеру, поэтому подавила зависть и помирилась с Роуз. И все же отказ сестры вернуть, хоть и ненадолго, девочек домой отозвался забытой болью и напомнил, что они — ее дети и моими никогда не станут.

Не обращая внимания на эту боль, я бросилась помогать сестре: готовила, стирала, убирала, возила ее на лечение, купала, помогала с покупкой протеза, подбадривала и заставляла делать упражнения. Рассказывала ей о девочках, читала их письма, отправляла им бана-